

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 184

Къ № 184

Воскресенье, 24-го августа 1903 года.

Левъ Николаевичъ Толстой *)

По случаю исполняющагося 28-го августа 75-лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого, мы даемъ въ настоящемъ иллюстрированномъ приложеніи нѣсколько портретовъ „великаго писателя земли русской“ въ разные періоды его жизни, а также изображеніе его кабинета.

На голодѣ.

Весну и лѣто 1899 года мнѣ пришлось провести въ степной восточной окраинѣ нашего отечества. Въ то время тамъ совершалась тяжелая драма борьбы чело-вѣка съ голодомъ. Газеты были наполнены описаніями ужасовъ цинги и тифа, разгравшихся на почвѣ недожданія.

Въ числѣ многихъ другихъ и меня потянуло туда. Вся обстановка студенческой жизни, милая сердцу въ другое время, теперь стала казаться душевною, давила мысль и угнетала чувство.

А тутъ въ комнату ворвались первые яркіе лучи весенняго солнца: они ласково скользили по стѣнамъ, нескромно заглядывая въ темные уголки, играли въ зеркалѣ и манили на просторъ полей, обѣщая показать все прелести весны въ деревнѣ.

Я закрылъ лекціи, и въ концѣ марта въздъ желѣзной дороги мчалъ меня въ невѣдомую сторону. Еще нѣсколько дней—и обывательскія лошади тащили меня по невылазной грязи. Культура осталась позади и я очутился наединѣ съ мрачнымъ чувашинномъ, лѣнливо погоняющимъ тощихъ лошадей, весеннею грязью, въ изобиліи насѣвшей на меня, и голубымъ небомъ, съ высотъ котораго лились радостные лучи солнца.

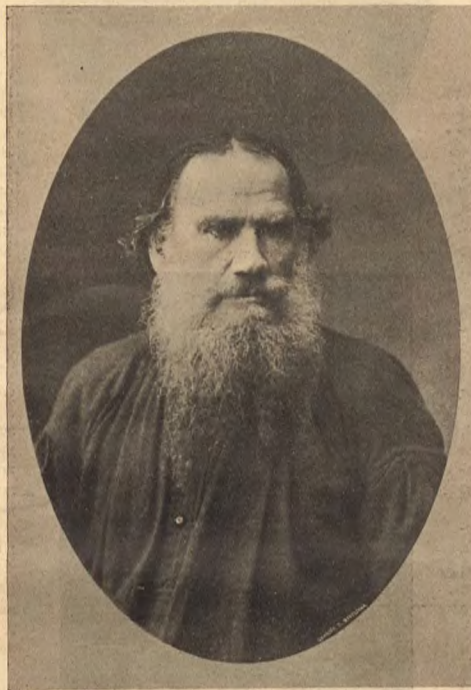
Теперь тяжело мнѣ вспоминать о томъ, что пришлось видѣть на голодѣ. Хотя прошло уже нѣсколько лѣтъ, но многія детали видѣннаго и пережитаго на общемъ мрачномъ фонѣ остались до сихъ поръ выпуклыми и яркими въ моемъ сознаніи.

Тогда какъ-то не чувствовался весь ужасъ окружающей обстановки: примелькался взглядъ, притупилось чувство отъ постоянного созерцанія мрачныхъ картинъ. Съ теченіемъ времени все стало казаться очень обыкновеннымъ. Потому-ли, что впечатлѣніе другого лучшаго положенія какъ-то изгладилось и не было предъ глазами яркаго объекта для сравненія, или, просто, та ужасная—вторая натура чело-вѣка—привычка, въ силу которой онъ иногда становится равнодушнымъ ко всему, даже самому мрачному,—она обезсилила мои тяжелыя впечатлѣнія и уложила ихъ въ одинъ рядъ съ сѣренькими впечатлѣніями обывательской жизни.

Теперь не то... Минувшія картины нужды, болѣзни и полной беззащитности какъ-то сразу выросли въ моемъ сознаніи до своей настоящей величины, выдѣлились въ особую категорію представлений, грозную своимъ содержаніемъ и крайне тягостную для настроенія духа.

*) Предназначавшаяся для настоящаго приложенія статья А. М. Головачева „Л. Н. Толстой“ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствомъ, не могла быть помѣщена; поэтому приложеніе выходитъ въ половинномъ размѣрѣ.

Живымъ стоитъ въ моей памяти первое столкнове-ніе съ горькою дѣйствительностью деревни. Едва только сошелъ снѣгъ и настало бездорожье, и поѣхалъ въ татарскія деревни: Шманку и Мирово. Цѣль поѣздки—разузнать о продовольственномъ положеніи жителей и организовать помощь.

Л. Н. Толстой въ 1830 году.

Л. Н. Толстой въ своемъ кабинетѣ.

— Тамъ вы несомнѣнно найдете голодъ,—говорилъ, провожая меня, мѣстный врачъ. Для вѣковой части населенія этихъ деревень недожданіе стало обычнымъ явленіемъ и въ лучшие годы. Ни на саняхъ, ни на телегѣ ѣхать было нельзя. Пришлось впервые въ жизни ѣхать верхомъ. Мальчишка ямщикъ провожалъ меня.

Послѣ двухъ часовъ утомительной ѣзды шагомъ по мокрымъ глинистой почвѣ, мы увидели силуэты строеній: сначала мельницу, затѣмъ ми-

нареть деревянной мечети и, наконецъ, рядъ сѣрыхъ, смоченныхъ дождемъ, избъ.

Вѣхавъ въ околицу, мы направились въ центръ деревни—къ мечети, гдѣ находилась „въѣзжая квартира“.

На вышкѣ минарета призывалъ къ вечерней молитвѣ „азанчай.“ Снизу были отчетливо видны его сѣдая борода, зеленый полосатый халатъ и бѣлая чалма на головѣ.

Вотъ прокатились въ воздухѣ и исчезли послѣдніе слова его призыва; видно было, какъ онъ отвялъ отъ ушей руки и, облокотившись ими на балюстраду, началъ съ любопытствомъ вглядываться въ насъ.

Въ избѣхъ хлопали окошки, оттуда высовывались характерныя татарскія лица, съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣвшія на насъ.

Не успѣлъ войти я въ комнату „въѣзжей квартиры“, какъ дворъ наполнился толпой народа. Женщины въ своихъ яркихъ, но рваныхъ и грязныхъ костюмахъ, съ красными платками на головѣ, составляли отдѣльную группу; каждая изъ нихъ поду-закрывала по татарскому обычаю лицо однимъ изъ свѣсившихся концовъ платка. Дѣти и подростки въ засаленныхъ тубетейкахъ и желтыхъ халатахъ безпереромно висѣли на окнахъ и заглядывали въ комнату, гдѣ мы съ ямщикомъ и старостой сидѣли за самоваромъ. Взрослые въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ и дѣрныхъ сапогахъ тѣснились уже на помостѣ около двери и съ любопытствомъ глядѣли въ нее, когда она кѣмъ-либо отворялась.

Вся эта толпа громко, возбужденно говорила на своемъ языкѣ, жестикулируя и показывая руками на мою комнату.

Заморосилъ дождикъ. Спускались сумерки. При тускломъ освѣщеніи умирающаго дня вся эта оборванная грязная толпа навѣвала невольную грусть. Безысходную нужду не могъ замаскировать возбужденный, повидимому, энергичный говоръ. Свѣзвъ горячія рѣчи мнѣ слышались рыданья; за дерзкимъ, смѣлымъ взглядомъ скрывалась забитость...

Незамѣтно подкралась ночь. По стекламъ оконъ барабанилъ дождь. Уныло гудѣлъ самоваръ на столѣ. На темныхъ стѣнахъ шуршали и копошились тараканы.

Въ сердце заползала безотчетная тоска. Захотѣлось уйти куда-нибудь изъ этой душной комнаты, гдѣ изъ каждой щели на меня глядѣла нужда, громадность которой давила меня.

Я оторвался было мыслями отъ окружающей обстановки и перенесся въ далекій, родной городъ. Потянуло къ любимымъ книгамъ, веселымъ бесѣдамъ среди беззаботной студенческой жизни. Но цѣпь воспоминаній разрывалась. На лавкѣ противъ меня сидѣлъ неотвязный хозяинъ квартиры, сѣдой татаринъ, и въ pendant съ окружающей обстановкой рассказывалъ грустную нескончаемую повѣсть о деревенскихъ „холодѣ, голодѣ и притѣсненіяхъ.“ Онъ говорилъ о событіяхъ послѣднихъ дней, продѣлкахъ попенителя столовой и еще о чемъ-то тяжеломъ и мрачномъ, что я слышалъ уже много разъ въ разныхъ углахъ Россіи.

— Больно плохѣ наша стала. Лопади-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ, ничего нѣтъ.

Это въ десятый разъ повторялъ мой собеседникъ.

Я видѣлъ, что конца этому плачу не предвидится и расположился спать. Но шорохъ таракановъ...

кановъ, ползавшихъ по мнѣ, еще долго не оставался для меня единственнымъ звукомъ. Изъ темнаго угла, гдѣ сидѣлъ татаринъ, раздавалась печальная пѣсня:

— Лошадки-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ, ничего нѣтъ...“

На утро вмѣстѣ со старостой мы отправились по дворамъ искать тѣхъ, кто нуждался въ немедленной помощи.

Долго искать не пришлось. Во многихъ дворахъ хоть шаромъ покати. Средняго достатка семьи дождали послѣднее, оставшееся у нихъ и смѣшивали муку съ лебедой, чтобы продолжить запасы. Иныя семьи давно уже жили исключительно 35-фунтовымъ пайкомъ выдаваемымъ земствомъ.

Какъ разъ мартовскій паекъ, благодаря разлившимся рѣкамъ и порчѣ пути, запоздалъ и голодаки приняло острую форму. Дѣти школьнаго возраста кормились въ столовой Краснаго Креста и тихонько отъ почитателя, подъ страхомъ удаленія изъ столовой, носили оставшіеся отъ обѣда куски хлѣба своимъ братьямъ и сестрамъ.

На мой взглядъ помощи требовали почти всѣ, но приходилось пока отмѣтить только нѣкоторыя семьи, которыхъ крайняя нужда уже держала въ своихъ объятіяхъ.

Ужасныхъ формъ цинги здѣсь не было. Но пораженные ею, — въ большинствѣ случаевъ женщины, кормящія грудью, — трудно поправлялись и лежали въ моей больницѣ 1—2 мѣсяца.

Остановилось на одномъ наблюденіи. О притворствѣ нашихъ крестьянъ и въ особенности татаръ въ голодные годы было много говорено. Передавали, что ужасная смѣсь земли и хлѣбныхъ отрубей выдавалась крестьянами за хлѣбъ, которымъ они питаются; въ дѣйствительности же эта смѣсь приготавлилась, чтобы разжалобить „барина“ и такимъ образомъ получить сеуду или доступъ въ столовую. Въ губернскомъ санитарномъ бюро мнѣ пришлось видѣть образецъ „голоднаго“ хлѣба, — имъ питались крестьяне, не помню какой деревни. На глазъ это былъ простой комокъ какой-то грязи съ еле замѣтной примѣсью муки. Отломивъ кусочекъ отъ образца, я послѣ многимъ показывалъ этотъ удивительный хлѣбъ. Общій голосъ былъ тотъ, что это поддѣлка. Казалось прямо невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ могъ питаться такимъ составомъ...

Во время своихъ подворныхъ обходовъ я старался выяснитъ, дѣйствительно-ли смѣсь лебеды, муки и песка или земли была пищею татаръ. Къ сожалѣнію, въ этомъ пришлось убедиться. Я заставалъ семьи за ѣдой и, разспрашивая о положеніи продовольствія, наблюдалъ, какъ шелочаднаго цвѣта куски неприятнаго на видъ и вкусъ хлѣба съ лебедой поѣдались съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ ѣдятъ натуральный хлѣбъ. Мало того, дѣти 6—7 лѣтъ на моихъ глазахъ спокойно съѣдали большіе ломти этого хлѣба. Какой-нибудь фальши здѣсь быть не могло: дѣти, непривыкшіе къ такому хлѣбу, не ѣли бы его и въ моемъ присутствіи.

Обходъ продолжался, и къ вечеру перваго дня, я физически и нравственно утомленный оканчивалъ одну улицу. Рядъ изъбъ выходилъ въ черное поле, гдѣ видѣлся, мѣстами не стаявшій, снѣгъ. Въ углубленіи улицы сиротливо стояла мазанка безъ крыши. Ее можно было принять за землянку или погребъ. И я хотѣлъ было пройти мимо ея, предполагая, что это какая-нибудь пристройка къ сосѣднему помѣщенію или баня. Но изъ двери выглянуло женское лицо и староста позвалъ меня зайти.

Мы подошли ближе. Мазанка, къ моему удивленію и ужасу, оказалась людскимъ жильемъ. Высота ея отъ земли до землянога настила на подолкѣ равнялась двумъ съ половиною аршинамъ, свѣтъ проникалъ изъ единственнаго пятивершковаго отверстія, завѣшаннаго какой-то тряпичей.

Лицо женщины вновь появилось у двери и исчезло. Я отворилъ дверь и очутился какъ будто въ темномъ погребѣ. Свѣтъ скупо проникалъ въ оконце, какъ бы боясь показатъ нищету. Двѣ трети помѣщенія занимала печка, но на ней встаканъ нельзя было лежать взрослому человѣку, до того она была мала. Остальное пространство между печкой и стѣнами на столько узко, что разойтись двоимъ было трудно. Къ довершенію картины на земляномъ полу красовалась лужа натекшей сюда съ улицы снѣговой воды.

Тутъ жили трое: мать—вдова и двое ея сыновей мальчишекъ. Съ печи на меня глядѣло блѣдное дѣтское личико въ разорванной рубашкѣ и засаленной тюрбеткѣ. Въ углу стояла, закрывъ лицо руками, женщина въ какомъ

то рубищѣ. Въ другомъ углу на землѣ, около лужи сидѣлъ другой мальчикъ, видимо дрожащій отъ холода. Изъ вещей я замѣтилъ только деревянную ложку, заткнутую въ щель, дырявое

и какъ проводили они ночи здѣсь, когда на полу зила снѣговая лужа,—Богъ вѣсть!

Кликнувъ старосту, я спросилъ чрезъ него у женщины, чѣмъ она питается и гдѣ спитъ съ дѣтми. Староста немного помоялся и затѣмъ заговорилъ по татарски, обращаясь къ женщинѣ. Пѣвѣ отъѣта изъ угла посыпалась пыль, сначала тихій, вежливаго, потомъ перешедшій въ громкое рыданіе. Это плакала мать. Дѣтское личико, все время испуганно смотрѣвшее на меня съ печи, какъ-то задрогало, сморщилось и также разразилось громкимъ плачемъ. Мальчикъ, сидѣвшій въ углу, низко опустилъ голову...

Когда мы выбрались изъ конуры на улицу, я спросилъ старосту.

— Неужели они здѣсь почуютъ?

Мнѣ какъ-то не хотѣлось вѣрить, что человѣкъ можетъ жить въ такой обстановкѣ.

— Какъ придется,—отвѣчалъ мнѣ мой угрюмый спутникъ,— когда кто возьметъ къ себѣ на ночь, въ теплѣ почуютъ, а не возьмутъ и здѣсь остаются...

— Вѣдь они нищѣ, собирать ходятъ,—полезилъ онъ мнѣ.

Черезъ недѣлю семья эта была принята въ новооткрытую столовую. А немного спустя Саххиби—такъ звали вдову—уже франтила въ новомъ костюмѣ, подаренномъ одной изъ прѣхавшихъ на голодъ дамъ. Нужно было видѣть радость ея и ребятокъ, также одѣтыхъ въ новые желтые халатики. Довольная и счастливая улыбка не сходила съ лица ихъ за всѣ четыре мѣсяца кормленія. Нѣтъ сомнѣній, что это время было самымъ счастливейшимъ періодомъ въ жизни этихъ несчастныхъ существъ, почувствовавшихъ себя хоть на короткое время людьми.

Три дня я уже жилъ въ Мшанкѣ и однообразно-грустныя картины безпрѣлѣтной нужды такъ расшатали мои нервы, что я сталъ чувствовать упадокъ силъ. Съ вѣтрячками было трудно оставаться спокойнымъ, видѣя бесминутно горе и слезы, созерцающія не въ припрятанную нищету, слыша одну только просьбу. Ахать (вѣтъ) давай!

Усталый и измученный физически и нравственно я зналъ, что и вечеромъ послѣ обѣда, мнѣ не дадутъ покоя. Надеждливый хозяинъ моей квартиры буквально преслѣдовалъ меня и не оставлялъ одного ни на минуту. До глубокой ночи я слышалъ его безконечную грустную пѣсню.

— Лошадки-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ, ничего нѣтъ!...

Въ постели цѣлая армія клоповъ и таракановъ осаждала и терзала меня. Болѣла голова, ныли усталые члены, ночью давилъ комаръ. А въ 7 часовъ староста Ибрагимъ уже будилъ меня и снова начинался обходъ.

Подъ конецъ мнѣ хотѣлось только одного: поскорѣ ухажъ отсюда, отдохнуть немного и разобраться во всемъ видномъ. За эти дни я воспринялъ массу новыхъ и сильныхъ впечатлѣній.

Наконецъ, обходъ кончился. У меня получили общее впечатлѣніе, что кормить надо почти всѣхъ. Собралъ свои записи, я объяснилъ старостѣ, что ѣду во Мшанъ за провизіей и скоро прѣйду устраивать столовую.

Подали лошадь и я, чтобы остаться поскорѣ одному, безъ провожатаго выѣхалъ изъ деревни, предвкушая отдыхъ. Но у околицы меня ждало послѣднее испытаніе.

Толпа оборванныхъ и босыхъ дѣтей—татарчатъ вмѣстѣ съ женщинами стояла у крайняго дома и какъ по командѣ бросилась ко мнѣ, когда я подѣхалъ къ воротамъ околицы. Поднялся невозможный шумъ и плачъ. Дѣти лѣзли подъ ноги лошади, женщины цѣплялись за сѣдло.

Я былъ озадаченъ этимъ нападеніемъ и, сознаюсь, испугался. Кричали, обращаясь ко мнѣ, на непонятномъ мнѣ татарскомъ языкѣ и я первое время подумать не могъ, чего требуютъ отъ меня эта взволнованная толпа.

Но среди гвалта послышалась знакомая фраза.

— Ахать давай, затѣмъ уѣзжаемъ?

Все стало понятно. Пришлось слѣзая съ лошади и долго объяснять, что ѣду за провизіей и скоро вернусь. Толпа была покойна, пока я объяснялъ, она, видимо, мало меня понимала.

Но какъ только я снова сѣлъ на лошадь, поднялось прежнее волненіе. Вновь послышались крики и плачъ. Снова и еще рѣзче раздалась знакомая фраза.

И долго въ морозномъ воздухѣ слышалась мнѣ эта фраза:

— Ахать давай!

„Мало словъ, но горя рѣченка“.....

А. Панратовъ.

Л. Н. Толстой въ 1857 году.

Л. Н. Толстой.

(Съ картины И. Е. Рѣпина, 1901 г.).

рѣшено на гвоздѣ, маленькое черное ведерко на полу, да котелокъ, вазанный сбоку въ печкѣ. Изъ одежды не было ничего, кромѣ надѣятаго на обитателяхъ конуры. Чѣмъ прикрывались въ холодныя зимнія ночи эти несчастные